

Я приехал в Петербург, в город, где в 1906 г. родился Дмитрий Сергеевич. Приехал, чтобы отдать должное его памяти; иначе я навсегда останусь перед ним в долгу.

Волею судьбы я познакомился с Дмитрием Сергеевичем в конце августа 1992 г. в Венеции на выставке «Русский символизм и Дягилев». Эта выставка и эта встреча оказались для меня знаменательными и судьбоносными и предрешили многое. Расскажу вкратце, как это произошло.

Пригласила меня на выставку «Русский символизм и Дягилев» устроительница, Марина Бенцони, верный друг Дмитрия Сергеевича и моя добрая знакомая. На этой замечательной выставке были представлены работы великих изгнанников: А. Н. Бе-

нуа, Л. Бакста, К. Сомова, М. Добужинского, Д. Стеллецкого, Н. Гончаровой, М. Ларионова, Н. Рериха, С. Судейкина, К. Коровина, З. Серебряковой, Б. Григорьева, А. Яковлева. Присутствовал на празднике и выступал нобелевский лауреат Иосиф Бродский. И хотя держался он несколько обособленно, я смог с ним пообщаться (сохранились фотографии и две его книги с надписями).

Из России в Венецию прибыла целая делегация во главе с Дмитрием Сергеевичем. Сопровождали его вице-президент РФК (бывшего СФК) Владимир Нерознак, маститый искусствовед Д. В. Сарабьянов, тогда еще член-корреспондент Академии наук. Прибыли и потомки В. Серова, Е. Лансере, коллекционеры.

Рене Герра

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Памяти Д. С. Лихачева

Естественно, я много читал и слышал о Дмитрие Сергеевиче, прославленном академике и «совести» России, о его судьбе, научной и гражданской деятельности, о его роли защитника революционной культуры России. И тем не менее при первом знакомстве я был поражен его благородным обликом, изяществом, изумительным русским языком. Этим обликом настоящего петербургского потомственного интеллигента, аристократизмом, обаянием он напомнил мне ушедших русских друзей из первой волны эмиграции: Б. К. Зайцева, Г. В. Адамовича, В. В. Вейдле, Д. Д. Бушенина, С. Р. Эрнста, М. Ф. Андреевко...

Меня удивило и другое. Оказалось, что Дмитрий Сергеевич знал обо мне, о моей судьбе, моих «сложных», далеко не однозначных отношениях с советской властью и о том, как меня долгие годы не пускали в Москву, о том, что я стал «персоной нон грата» в СССР. Я по сей день храню каталог той русской выставки в Италии с благородными словами на титульном листе:

«Глубокоуважаемый господин Герра! Я надеюсь, что все недоразумения, возникшие по вине моих «соотечественников», Вы забудете». Д. Лихачев. 30.VIII.92.

Такая дарственная надпись о многом говорит.

И еще я был очень удивлен доверительным ко мне отношением. Тогда в застольной беседе Дмитрий Сергеевич заявил мне, малознакомому человеку, что я правильно поступал, не печатаясь в журнале СФК «Наше наследие». Позднее он рассказал мне много любопытного о деятельности СФК и о том, что пережил сам при советской власти: о Соловецком лагере особого назначения; о нападении на него в 1975 г. и о попытке поджога его квартиры в 1976 г. Добавлю, что контекст разговора был особым. Ведь еще и года не прошло после распада Советского Союза и конца советской власти, а наши встречи и беседы происходили в Италии, да к тому же в Венеции, на фоне праздника русской культуры. И мне стало ясно: наступают новые времена.

Вторая встреча состоялась уже в Северной Пальмире в начале января 1994 г. Дмитрий Сергеевич любезно пригласил меня к себе, прислал за мной черную «Волгу» с водителем. Мы вдвоем, с его супругой Зинаидой Александровной, пообедали, а потом мы с Дмитрием Сергеевичем долго сидели в его кабинете, заваленном книгами. Речь тогда шла о судьбах русской культуры в изгнании. И я почувствовал, насколько ему дороги и близки эти судьбы.

А третья встреча произошла в начале января 1995 г., и тогда же я попросил его написать текст для каталога моего собрания, частично выставленного в Москве. Каталог назывался «Они унесли с собой Россию...: Русские художники-эмигранты во Франции в 1920–1970-е гг.» (ГТГ, апрель–май 1995 г). Разумеется, я был очень тронут и горд тем, что Дмитрий Сергеевич сразу согласился и написал статью «Зарубежная русская культура XX века в собрании профессора Рене Герра». Позволю себе привести цитату из этого проникновенного текста.

«Выталкиваемые из России невежественным и реакционным государством, в Европу переезжают лучшие представители русской интеллигентной свободы оказываются лучшие культурные силы страны с тысячелетними культурными традициями — философы, богословы, художники, прозаики, поэты, театральные деятели, музыканты (композиторы и исполнители). В Париже издаются лучшие русские журналы (особенно подчеркиваю значение «Современных записок»), устраиваются выставки, создается Русская консерватория, осуществляются выдающиеся постановки русских балетов и опер. По существу, на Западе оказывается вторая русская культура...»

Трудно вообразить, насколько были поражены чиновники Минкульт! Как! Сам Лихачев согласился написать текст для моего каталога — и как написал! Не скрывая раздражения, сотрудница Министерства культуры Анна Сергеевна Колупаева выразила мне свое недовольство. Я тогда ей ответил, что она, как сотрудница этого министерства, должна, в сущности, радоваться, так как подобный текст за подписью Дмитрия Сергеевича, безусловно, является украшением для каталога, изданного ее министерством. И напомнил, что в это издание согласился написать статью и академик Д. В. Сарабьянов, с которым я тоже познакомился в Венеции.

Четвертая встреча неожиданно случилась в середине июля 1997 г. на юге Франции и отчасти в Италии. Официальным поводом для поездки за границу было вручение Лихачеву премии за книгу «Поэзия садов», которая годом раньше вышла в итальянском переводе в Турине в престижном издательстве Giulio Einaudi. Церемония вручения происходила 12 июля в Giardini Hanbury, знаменитых садах Лигурийского побережья, которые в 1867 г. создал Sir Thomas Hanbury. Получая премию в этих старейших и известнейших садах Средиземноморья, на границе Италии с Францией, Дмитрий Сергеевич сказал, что эта премия, может быть, самая приятная из тех, что ему вручали: *«потому что я не специалист по садам. Садами я стал заниматься только по велению души и сердца. Мне очень нравились русские сады под Петербургом. Они расширили мои представления о природе. Потом я стал изучать другие сады: Алупку, Никитский сад... Я решил, что не случайно Бог поселил человека в раю, посреди природы. У меня такое впечатление, что война, которая ведется сейчас с природой, это — от атеизма. То, что создал Бог, всегда прекрасно — даже очертания речных русел, берегов. Скажем, одно из самых красивых графических произведений — это очертания Южной и Северной Америки: береговая линия их представляет удивительную красоту. Не менее красивы Новозеландские острова, Сибирь, Байкал. Я думаю, что красивый парк, в котором соединились эстетические представления растений и эстетические представления человека — они одинаковы в своей сути, это то, что мы могли бы назвать молитвой к Богу. Ведь*

в молитве есть две стороны: просительная, когда человек просит у Бога милости или заступничества, и восхваляющая, поющая Ему славу. Так вот, сады — это молитва к Богу в той ее части, где она возносит хвалу Творцу. Лучшее, что может сделать человек, — это создавать сады, которые и питают его, и поддерживают его в вере в Бога, в красоту существующего».

Хочу еще процитировать его дарственную надпись на титульном листе этой книги: *«Сад — это союз Бога и человека; когда-нибудь мы вернемся в этот рай, дорогой Рене Герра!!!»*

По приглашению Дмитрия Сергеевича Лихачева мы после торжественной церемонии поужинали на берегу моря. За столом я познакомился с вдовой Н. А. Бенуа, и она поделилась с нами своей горечью относительно судьбы музея семьи Бенуа в Петергофе и отношения к ней самой дирекции, после того как она все им отдала.

Последующие дни уже на Лазурном берегу были для Дмитрия Сергеевича не менее насыщены. 13 июля — открытие памятника (бронзового бюста) императрице Александре Федоровне, вдове Николая I, в городке Вильфранш-сюр-Мер. Церемония происходила в присутствии местных властей, мэра города и его заместителя по культуре художника Минетти, российского Генерального консула, специально приехавшего на церемонию из Марселя, представителей местной русской диаспоры, журналистов. Дмитрий Сергеевич произнес большую речь, которую я синхронно переводил. В своем вдохновенном выступлении он напомнил собравшимся о той большой гуманистической и просветительской роли, которую играли русские императрицы в истории России, о создании их попечением благотворительных обществ, учебных заведений и т. п. Господин Минетти, большой русофил, особо подчеркнул, что для их города визит академика Лихачева, ставшего воплощенной совестью русской культуры, является большой честью. В местной газете «Утренняя Ницца» (от 19 июля) появилась статья-репортаж с большой фотографией, озаглавленная «Вильфранш: академик воздаст должное императрице». И на следующий день в той же газете была напечатана статья известной журналистки Сильви Бэаль под названием «Россия глазами Лихачева», написанная после встречи-беседы с Дмитрием Сергеевичем в моем доме в Ницце.

Он также любезно согласился посетить маленький горный городок Бер-лез-Альп, в 20 км от Ниццы — колыбель моих предков. Там мы с братом в 1992 г. открыли Франко-русский дом творчества для российских художников и писателей.

В то лето у нас гостили художник Оскар Рабин с супругой, художницей Валентиной Кропивницкой, которые устроили трогательный прием в честь Дмитрия Сергеевича, его внуכים Зины и правнучки Веры. Эта историческая встреча, проникнутая взаимным уважением и симпатией, была также отмечена статьей в газете «Утренняя Ницца» (от 22 июля 1997 г.). Там была опубликована большая фотография Лихачева перед Франко-русским домом. А после этой

теплой неформальной встречи Дмитрий Сергеевич нарисовал в моей Золотой книге шпиль Петропавловской крепости и оставил надпись: *«С этой “иглы” сейчас виднее конец Света, но конец может быть началом новой культуры».*

Тогда же на Лазурном берегу состоялась встреча Дмитрия Сергеевича с моим другом, прекрасным нью-йоркским художником и писателем Сергеем Львовичем Голлербахом, племянником Эрика Федоровича Голлербаха. Эта знаменательная встреча двух великих петербуржцев на берегу Средиземного моря была незабываема. Они сразу понравились друг другу, и С. Л. Голлербах, по моей просьбе, сделал акварелью очень удачный портрет Дмитрия Сергеевича, который я опубликовал со статьей-интервью под названием «На перекрестке культур: Д. С. Лихачев на Лазурном берегу». Статья появилась в парижском еженедельнике «Русская мысль» (от 28 августа 1997 г.), а в 2004-м я опубликовал ее в своей книге, изданной в Петербурге, «Они унесли с собой Россию...: Русские эмигранты — писатели и художники во Франции (1920–1970)».

В Петербурге произошли две наши последние встречи.

Первая — 19 февраля 1998 г. на его квартире, куда Дмитрий Сергеевич меня вновь пригласил на обед. Тогда же он подарил мне три свои книги с очень трогательными надписями:

«Дорогому Рене Юлиановичу на добрую память от любящего Д. Лихачева» (Воспоминания. СПб., 1995);

«Дорогому Рене Юлиановичу с любовью Д. Лихачев» (Избранное. Великое наследие. СПб., 1997);

«Дорогой Рене Юлианович! Надеюсь, верю, что мы будем еще встречаться». И нарисовал цветок.

К счастью, его и мое желание осуществилось.

Последняя встреча состоялась 3 апреля 1999 г., когда я с радостью преподнес ему каталог двух выставок, приуроченных мной к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина — «Образы Пушкина» и «Портреты изгнания». Каталоги включали интервью с Лихачевым во французском переводе. В процессе подготовки своих выставок я обратился с просьбой к Дмитрию Сергеевичу, который сразу же откликнулся и очень скоро прислал свои ответы на мои вопросы. Это же интервью было напечатано мною по-русски в Нью-Йорке в июне 1999 г., в 215-м номере «Нового журнала».

В июле прошлого года, будучи в Москве, я зашел в редакцию журнала «Наше наследие» в 1-м Неопалимовском переулке, чтобы посмотреть на мемориальную доску Дмитрия Сергеевича, установленную на фасаде особняка в ноябре 2006 г. Тогда же я случайно встретился с главным редактором «Нашего наследия» В. П. Енишерловым, который подарил мне номер 79–80 своего журнала. Только вечером, вернувшись к себе в Переделкино, я увидел публикацию «Храните своих друзей...» (Письма Д. С. Лихачева В. П. Енишерлову). В письме от

22 августа 1997 г. я прочитал: *«Я перестал ездить за границу: был только 4 дня в Нице, где мне давали премию за «Поэзию садов»... Поездка была очень приятная в сопровождении внучки Зины и правнучки Веры. Сопровождение Герра было очень полезным. От него я узнал много интересного о русской администрации. Его не любят многие за злой язык, но я думаю, что он справедливо судит (и осуждает) о людях. С его*

оценками приходится считаться». Именно после этой публикации я понял смысл дарственной надписи на книге «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы», которую Дмитрий Сергеевич сделал 19.II.98: «Дорогой Рене Юлианович, я восхищаюсь Вашей деятельностью, Вашим умом и принципиальностью».

Рядом с надписью нарисованы два цветка.